

Д.Н. МАМИН
СИБИРЯК

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Друзья детства (Сибирские рассказы)

МАМИН, Дмитрий Наркисович, псевдоним — Д. Сибиряк (известен как Д. Н. Мамин-Сибиряк) (25.X(6.XI).1852, Висимо-Шайтанский завод Верхотурского у. Пермской губ.- 2(15).XI.1912, Петербург) — прозаик, драматург. Родился в семье заводского священника. С 1866 по 1868 г. учился в Екатеринбургском духовном училище, а затем до 1872 г. в Пермской духовной семинарии. В 1872 г. М. едет в Петербург, где поступает на ветеринарное отделение Медико-хирургической академии. В поисках заработка он с 1874 г. ста-

новится репортером, поставляя в газеты отчеты о заседаниях научных обществ, В 1876 г., не кончив курса в академии, М. поступает на юридический факультет Петербургского университета, но через год из-за болезни вынужден вернуться на Урал, где он живет, по большей части в Екатеринбурге, до 1891 г., зарабатывая частными уроками и литературным трудом. В 1891 г. М. переезжает в Петербург. Здесь, а также в Царском Селе под Петербургом он прожил до самой смерти.

Содержание

I.....	.0006
II.....	.0013
III.....	.0021

Д.Н. Мамин-Сибиряк

Друзья детства

Авдей Семеныч Гаряев волновался сегодня вдвойне. Первое волнение носило общий характер, — старик волновался каждую весну, когда открывалась навигация. Он сегодня нарочно поднялся пораньше, чтобы полюбоваться из окна своего кабинета, как побегут по Фонтанке первые пароходы. Открывавшаяся навигация производила на него хорошее и вместе грустное впечатление, потому что с ней для него неразрывно была связана мысль о далекой-далекой сибирской родине. Зима надолго разлучала Сибирь со всем остальным миром, а когда «проходили реки» — она точно делалась ближе. Конечно, теперь уже проведена великая сибирская железная дорога, но по старой привычке Авдей Семеныч все-таки волновался, глядя из своего окна на шнырявшие по Фонтанке финляндские пароходы. Он приехал в Петербург молодым, кончил университет, поступил на службу, да так и застрял здесь навсегда. Сначала держала служба, хотя он поступил «пока», чтобы вернуться на родину с некоторым служебным

положением, потом он женился на девушке из петербургской чиновничьей семьи, которая не могла себе даже представить, что можно жить где-нибудь, кроме Петербурга, наконец появились дети и т. д. и т. д. Жизнь прошла как-то незаметно, хотя Авдей Семеныч и не расставался с заветной мечтой когда-нибудь уехать на родину, и уехать навсегда. Вот откроется такая навигация, он и махнет в Сибирь со всем своим чиновничьим гнездом. Дети уже подросли, и им следует посмотреть, как живут настоящие люди и что такое настоящая жизнь.

«Да, пусть молодежь послужит Сибири, — любил думать Авдей Семеныч. — Кока будет врачом, Павлик юристом, Серж инженером, а Игорь... Ну, этот еще мал, из него икона и лопата еще может выйти, как у нас говорят в Сибири».

Будущая участь в Сибири единственной дочери Милочки пока еще оставалась невыясненной. Девушка пробовала учиться на курсах, но из этого ничего не вышло, потом такая же история была проделана с консерваторией, а сейчас Милочка мечтала о карьере

актрисы.

Вторую причину сегодняшнего волнения Авдей Семеныч держал в руках. Это была телеграмма друга детства Прохора Козьмича Окатова, который извещал из Москвы, что будет в Петербурге утром, с курьерским поездом. Авдей Семеныч перечитывал эту телеграмму и счастливо улыбался.

— Вот ведь что придумал старик, — думал он вслух. — Никогда не бывал в столицах и вдруг: «буду с курьерским поездом». Как Леля будет рада... да. Она его отлично знает по моим рассказам. Как же, вместе в школе учились, вместе голодали...

В гостиной, куда выходила дверь кабинета, горничная вытирала пыль; Авдей Семеныч несколько раз показывал свою голову и получал довольно сухой ответ;

— Барыня еще спят...

— Гм... да...

Было еще рано, а барыня Елена Павловна по-петербургски вставала поздно. Авдей Семеныч морщился и опять возвращался к своему окну.

«А ведь Прошка теперь старик, — продол-

жал он думать, припоминая портрет друга детства. — Оброс бородой, потолстел, поседел...»

Сквозь призму сорокалетней разлуки он видел кудрявого мальчика с задорно вздернутым носом, скуластого и с вечной улыбкой на губах. Какой он сейчас, — портрет, конечно, мог дать только приблизительное понятие.

Пробило девять часов. Терпение Авдея Семеныча истощилось, и он отправился в спальню к жене. Она имела привычку, проснувшись, лежать в постели, а потом мылась целых два часа, так что выходила к утреннему чаю только в одиннадцать. В собственном смысле чая она не пила, а только кофе, как и все дети. Авдей Семеныч шел к жене с некоторым страхом, потому что она не любила, когда ее тревожили утром. Но дело было особенное, и ему необходимо было переговорить с ней.

— Можно войти, Леля? — спросил он у дверей спальни немного виноватым голосом.

Ответа пришлось подождать. Елена Павловна встретила мужа довольно холодно, одним вопросительным взглядом.

— Леля, я... то есть видишь ли...

— Где-нибудь пожар? — перебила она его, кутаясь под шелковым одеялом до подбородка. — Вы врываетесь, Авдей Семеныч, в мою спальню с таким лицом, что... что...

— Ах, Леля, совсем не то! — взмолился Авдей Семеныч. — Ты помнишь Окатова?

— Которого сослали в каторгу?

— Ах, не то!.. Я тебе так много говорил о нем. Мы вместе росли с ним, вместе учились в школе, вместе голодали... да... И вдруг он едет к нам...

— То есть как к нам?

— То есть в Петербург, — поправился Авдей Семеныч, сдерживая радостное волнение. — Ты знаешь, как я его люблю... Сорок лет не видались... да... Таких людей больше нет и на свете, Леля.

Елена Павловна отнеслась к этому известию совершенно равнодушно и даже как будто была недовольна. Ох, уж эти сибирские друзья детства... Тащатся в Петербург за тридевять земель неизвестно зачем. Авдей Семеныч вдруг почувствовал себя виноватым, как это с ним случалось в присутствии жены

нередко.

— Да, так я того, Леля... гм... — бормотал он, глядя на часы. — Мне нужно торопиться на вокзал...

— Скажите, пожалуйста, какие нежности!.. Я предчувствую, что ты его притащишь к нам, и предупреждаю вперед, что совсем этого не желаю. У нас не постоянный двор...

Радостное настроение Авдея Семеныча как-то сразу погасло. Ведь он уже вперед уступал гостю свой кабинет. Пусть бы пожил, недельки две можно было бы и потесниться. Но у Елены Павловны были специально петербургские нервы, и она не выносила присутствия постороннего человека в своем доме. И спорить с ней на этом основании было невозможно, а только приходилось соглашаться, как и в данном случае.

Из дому Авдей Семеныч выехал огорченный, а тут еще и извозчик попался скверный. Едва-едва успели к поезду. Авдей Семеныч торопливо бежал по платформе, вглядываясь в лица пассажиров, мелькавшие в окнах. А если он не узнает Окатова и тот с вокзала отправится с багажом прямо к нему? Но послед-

него не случилось. Из вагона третьего класса грузно выкатилась какая-то меховая масса. Это и был Окатов, одетый в две шубы. Друзья детства узнали друг друга почти сразу...

— Авдей Семеныч...

— Прохор Козьмич...

Друзья расцеловались, а потом начали удивляться, как оба постарели. Окатов оброс бородой до самых глаз, и прежними оставались одни глаза. Гаряев имел наружность типичного петербургского чиновника.

— Да, брат, вот как оба постарели, — громко говорил Окатов, крепко пожимая руку старого друга. — А ты — настоящий питерский чинодрал... ха-ха... Поди, и чин действительного статского советника имеешь?

— Около того... Вот что, Прохор Козьмич, мы напьемся чаю здесь, на вокзале, и поболтаем... А дома у меня жена не совсем здорова...

Авдей Семеныч лгал, не моргнув глазом. Окатов только посмотрел на него и что-то пробормотал себе под нос.

Друзья детства прошли в буфет и предались чаепитию, причем Окатов пил с блюдечка и вприкуску. Он покраснелся и постоянно вытирал лицо каким-то бабьим платком с пестрыми разводами.

— Да, Авдей Семеныч, того... — повторял он, отдуваясь и чмокая. — Порядочно-таки воды утекло... Скоро и помирать придется.

Авдей Семеныч терпеть не мог разговоров о смерти и только морщился. Между прочим, он дипломатически ввернул в разговор, что есть очень удобные и недорогие меблированные комнаты, в которых можно будет устроиться на время. Когда Окатов посмотрел на него прищуренными глазами, он немного смутился и перевел разговор на общих сибирских знакомых. Представьте себе, семья Корчагиных вся вымерла, Егор Коротких два раза овдовел, Чикалевы разорились, Мишка Колотилов разбогател, разорив всю родню, и т. д. В общем, веселых вестей было мало...

— Все, брат, у нас по-новому пошло, — объяснял со вздохом Окатов. — Старики повы-

мерли, теперь наша очередь, а что из молодых выйдет — еще на воде вилами писано...

— Ну, а железная дорога?

— Что дорога... Голод она нам привезла — вот тебе и железная дорога.

— Это ты напрасно, Прохор Козьмич... Железная дорога — великое дело. Теперь по всей-то Сибири пять — шесть миллионов населения, а будет пятьдесят. Одним словом, идет к вам цивилизация...

— Вот она где нам, ваша-то цивилизация, — проговорил Окатов, указывая на свой широкий красный затылок. — Коснулась она нас даже очень. И какого только народа ни наехало, а скоро и нам житья не будет. Да вот я вылез из своей берлоги, чтобы похлопотать в Питере кой о чем. Дела, братец ты мой...

Авдей Семеныч облегченно вздохнул, когда водворил друга детства в меблированные комнаты на Лиговке. Про себя он даже согласился, что жена права, не желая принимать сибирского гостя к себе в дом. Одни сибирские шубы чего стоили, а потом эти ужасные мешки вместо чемоданов, точно у переселенца. Совестно было бы перед собственным

швейцаром. Наконец, Окатов делал все так громко: стучал ногами, двигал стулом, хохотал, сморкался. Петербургский чиновник начинал чувствовать себя в его присутствии каким-то больным человеком, как расколотая посуда, которая дребезжит, когда хлопнут дверью.

— Я, брат, теперь завалюсь спать на двое суток, — объяснил Окатов на прощанье. — Надо отоспаться... Ведь целых двенадцать ден не спал на железной дороге. Так, как заяц, закроешь один глаз и лежишь всю ночь, настоящего сна ни-ни!

Окатов сдержал свое слово, проспал «двое суток» и явился с визитом к Горяевым только на третий день. Он принес прямо в кабинет небольшой деревянный бочонок и какой-то таинственный сверток, заделанный в рогожку. Авдей Семеныч очень обрадовался ему, а Елена Павловна приняла его довольно сдержанно.

— Я так много слышала о вас от мужа, — проговорила она как-то особенно кисло.

— Ну, это он напрасно, — ответил Окатов. — Не велика птица, о которой стоит гово-

рить... А вот я вам, вударыня, привез сибирских гостинцев: в бочонке соленые омули, а тут бытылки с наливкой из облепихи. Моя баба отлично делает наливки...

Елена Павловна при слове «моя баба» поморщилась, а Гаряев радостно заметил:

— Омули? Ах, вот это отлично... Леля, облепиха — это наша сибирская ягода, которую называют сибирским ананасом. Спасибо, Прохор Козьмич... Из омулей мы устроим сибирский пирог... да?

Гость довольно бесцеремонно осмотрел всю квартиру, удивился ее цене и все покачивал головой.

— Да, по-барски живете...

— Нельзя, Прохор Козьмич, от других отставать, — точно извинялся Авдей Семёныч. — Я, собственно говоря, не люблю все эти обстановки... гм... да...

— Пыли много наберется, — согласился Окатов.

Елена Павловна была недовольна, что гость явился с первым визитом прямо к обеду, точно не мог выбрать другого времени. Она дала понять это мужу без слов, и петер-

бургский муж принял виноватый вид.

За обедом собралась вся семья, и все смотрели на сибирского гостя, как на заморского зверя. Кока шепнул Милочке:

— Обрати внимание, какой у сибирского друга красный нос.

— Мне кажется, что он вот-вот подкрадется с пальцем к собственному носу... — ответила Милочка, принимая по-институтски невинный вид.

— Я тоже подозреваю, что он имеет довольно смутное представление об употреблении носовых платков... Это открытие цивилизации еще не дошло до Сибири, как употребление мыла и ножниц.

Молодые люди шептались довольно невежливо и сдерживали смех. А гость ничего не замечал и держал себя довольно развязно. Он громко захохотал, когда горничная подала маленький графинчик водки и какую-то ликерную рюмочку.

— Я, Прохор Козьмич, ничего не пью, — объяснил Авдей Семеныч.

— А я все пью, Авдей Семеныч... Только не найдется ли у тебя рюмки побольше?

«Он напьется и устроит какой-нибудь скандал», — решила Елена Павловна, с ужасом наблюдая, как гость хлопнул две рюмки.

— По-нашему, по-сибирски, сударыня, между первой и второй рюмкой не дышать, — объяснил Окатов, прожевывая кусок селедки. — Да-с... А вот скоро у нас введут в Сибири винную монополию, водка будет дешевая.

Хлопнув Авдея Семеныча по коленке, Окатов прибавил:

— Как ведро водки выпьем, так рубль двадцать копеек в кармане... Ха-ха!..

— Сибирская политическая экономия, — шепнул Павлик Милочке. — И очень просто...

А гость продолжал ничего не замечать, даже когда Кока довольно ехидно его спросил:

— Прохор Козьмич, а вы умеете закусывать водку живой рыбой?

— Даже отлично... Спросишь живую стерлядку, графинчик водки и закусываешь.

— Живой стерлядью? — с ужасом спросила Елена Павловна.

— Да... Ломтиками ее нарежешь, перчиком посыплешь, солью — и отлично.

— Это ужасно...

— Нисколько, сударыня. Ведь едят же живых устриц...

Выпив графинчик, Окатов покраснелся и окончательно повеселел. Когда подали рыбу, он опять осрамился, потому что начал ее есть с ножа. Елена Павловна старалась не смотреть на него, а Милочка убежала из-за стола, чтобы отхохотаться в коридоре. Но там вышла новая беда: в коридоре Милочку остановила горничная Маша и шепотом проговорила:

— И что только будет, барышня...

— Что случилась?

Горничная фыркнула, закрыв рот из вежливости ладонью, и объяснила:

— Бочонок-то, который гость привез, мы поставили в кухню, а от него такой дух пошел... С души прет!..

— Ну, это дело мамы...

А в столовой друзья детства предавались своим воспоминаниям, которым не было конца. Окатов после двух — трех фраз повторял:

— Авдей Семеныч, а помнишь, как мы с тобой голодали? Ах, как жрать хотелось...

Смерть! Одежонка плохонькая, сапоги дырявые, брюхо пустое... А тут еще дерут и за букву ять, и за латынские спряжения, и за пение на гласы. Ох, как драли... Из своей кожи готов выскочить, — вот как драли, сударыня. Зато теперь уж нас ничем не проймешь, как дубленую кожу, которая не боится ни дождя, ни холода, ни жара.

Окатов был еще несколько раз у Гаряевых, а потом сразу прекратил посещения. Это очень огорчало Авдея Семеныча, хотя дома он и не решался высказать своих мыслей открыто. Очевидно, сибирский друг детства догадался, что он является в обстановке петербургской чиновничьей семьи и лишним и смешным. Это мучило Авдея Семеныча, как всякая несправедливость. Сибирские омули были выброшены в помойную яму, а о наливке из облепихи Серж сказал, что она пахнет кошачьими хвостами. Эта выходка взорвала Авдея Семеныча, и он «сделал сцену».

— Как ты смеешь так говорить, щенок? — накинулся он на Сержа. — Что ты понимаешь, кроме ресторанов? Ты просто погибший ресторанный человек...

За Сержа вступилась Елена Павловна, и разыгралась целая семейная история.

— Вы все ничего не понимаете! — кричал взбешенный Авдей Семеныч. — Вы все — дармоеды и нахлебники. У нас ни у кого живого места нет, и поэтому свежий настоящий чело-

век производит впечатление какого-то монстра.

Конечно, Авдею Семенычу за свою выходку пришлось просить потом прощения у Елены Павловны. Впрочем, она поняла, что нужно держать себя с сибирским другом детства вежливее, и сделала детям строгий выговор. Между прочим, она открыла, что муж потихоньку бывает у Окатова и тщательно это скрывает. Задето было женское любопытство. О чем они могли говорить и что могло их связывать? Видимо, Авдей Семеныч чем-то тревожился.

— Отчего твой друг перестал бывать у нас? — спрашивала Елена Павловна мужа. — Может быть, он чем-нибудь обиделся?..

— Нет... гм... Зачем ему у нас бывать?

— Мне кажется, что мы его принимали как следует и я делала все, чтобы он чувствовал себя у нас, как дома.

Авдей Семеныч засмеялся, что с ним случилось очень редко.

— Зачем ему у нас бывать, Леля? Это вольный человек, из совершенно другого мира... У него свои интересы, свои понятия и взгляды.

Ты думаешь, он не понял, как его вышучивали наши милые молодые люди? Очень даже понял, хотя и не говорил ничего мне. Я знаю только одно, что он жалеет меня...

— Он?.. тебя?!. Этот... этот...

— Не договаривай, пожалуйста... Он для тебя «этот», а для меня... гм... Нет, ты не поймешь меня, Леля. Мы будем говорить на двух разных языках.

— Он смеет тебя жалеть?!

— Представь себе, что смеет, потому что он прав... Да, прав... Разве это жизнь, как мы живем? Разве мы с тобой живые люди?

— Благодарю вас, Аздей Семеныч...

Елена Павловна даже прослезилась и демонстративно ушла в свою комнату.

Окатов прожил в Петербурге около двух недель и как-то вдруг собрался домой. Он приехал прощаться в воскресенье утром, а не к обеду, как делал раньше. Аздей Семеныч понял, что старик догадался, как петербургские хозяйки не любят кормить лишнего человека.

— Да, брат, уезжаю, — говорил он, тяжело расхаживая по кабинету Авдея Семеныча. —

Будет, всего насмотрелся. Пора домой...

— Да ведь ты хотел прожить здесь целый месяц? — уговаривал его Авдей Семеныч немного фальшивым тоном.

— Хотел и передумал...

Известие об отъезде сибирского друга детства так тронуло Елену Павловну, что она назначила даже завтрак на целых полчаса раньше. Это мог оценить только один Авдей Семеныч.

— Что же вы так рано нас оставляете, Прохор Козьмич? — говорила она с деланным участием. — Наш весенний сезон только что открывается... Посмотрели бы на наши острова, съездили бы в Павловск на музыку или на Иматру... Загородные сады начинают открываться... Серж говорит, что будет хорошая оперетка...

— Нет, это нам не рука-с, сударыня, — довольно грубо ответил Окатов. — Пора в свою берлогу...

Улыбнувшись, он прибавил:

— Стар я стал и ничего вашего не понимаю... Вот хоть у вас: сидим за столом, полный порядок, а ежели разобрать, так все у вас

какое-то игрушечное — не графин, а графинчик, не рюмка, а рюмочка, не чашка, а чашечка... Да и люди мне кажутся тоже как будто не настоящими, а так, как берут вещи на поддержание. Взять и Авдея Семеныча — совсем он отстал от своего-то родного и даже разговора нашего сибирского не понимает.

— Ну, это ты уж напрасно, — обиделся Авдей Семеныч.

— А вот и не понимаешь! — спорил Ока-тов. — Вот переведи-ка на свой питерский язык: лонись мы с братаном сундулей тенигу-сом хлыном хлыняли... Ха-ха!..

— Да, пожалуй, и не понимаю, — согласился Авдей Семеныч. — Мудрено что-то...

— А дело очень просто: недавно мы с двоюродным братом вдвоем ехали на лошади в го-ру...

Сибирский язык произвел впечатление, и все громко смеялись, а громче всех сам Ока-тов.

— Это какой-то сибирский волапюк, — заметил презрительно Павлик.

— Что же, и за границей есть местные го-воры, — объяснил Авдей Семеныч. — Прованс

и Вандея, Бавария и Мекленбург почти не понимают друг друга.

Авдей Семеныч никогда ничего не пил, а тут назло жене выпил красного вина и несколько рюмок сибирской облепихи. Милочка не могла на него смотреть без улыбки. Какой папа смешной — весь покраснел, глаза сделались мутными, язык начал заплетаться. Окатов, кончив графинчик водки, хлопнул его по плечу и неожиданно заявил:

— А вот что, Авдей Семеныч, смотрю я на тебя и думаю: эх, хорошо было бы, ежели взяли бы мы с тобой и махнули в Сибирь... а?..

— Я и сам то же думаю, — еще неожиданнее согласился Авдей Семеныч и даже стукнул кулаком по столу. — Да, едем... Довольно!.. Ах, как я устал, весь устал!..

— У нас, брат, отдохнешь... Поля, лес, реки — все, чего душа просит. Другим человеком будешь...

— Вот-вот... И я то же думаю. Завтра же едем... Даю тебе честное слово. Возьму отпуск сначала, а потом переведусь на службу в Сибирь. Слава богу, земля не клином сошлась...

— В Сибири место всем найдется, — под-

держивал Окатов. — Люди нужны... Хорошо у нас. Свет увидишь, по крайней мере, живых людей...

Авдей Семеныч вскочил и нервно заходил по столовой. Елена Павловна молча глядела в свою тарелку. Молодые люди переглядывались, едва сдерживая смех. Ах, какой смешной паоа... Наконец Елена Павловна не выдержала и спросила:

— А как же я, Авдей Семеныч? Ты говоришь все время только об одном себе...

— Ты?..

Авдей Семеныч вдруг захохотал.

— Ты? Я тебя совсем не знаю... Да, не знаю. Ты для меня совсем чужой человек...

Расходившегося Авдея Семеныча едва увели спать. Он что-то такое громко говорил, размахивал руками и старался вырваться. Когда дверь кабинета заперли, оттуда долго еще слышался его охрипший голос:

— Да дайте же мне быть человеком хоть раз в жизни!.. Оставьте меня!..

Авдей Семеныч проспал мертвым сном до одиннадцати часов вечера и проснулся с страшной головной болью. В доме было тихо.

Он вышел в гостиную — там никого не было, в столовой — тоже. Авдей Семеныч послал горничную за сельтерской водой и вернулся к себе в кабинет. Елена Павловна заперлась у себя в спальне, и идти к ней было немыслимо.

«Пробуждение пьяного петербургского чиновника...» — с горечью подумал Авдей Семеныч, шагая из угла в угол по кабинету.

Он припомнил до мельчайших подробностей довольно безобразную сцену в столовой, и ему сделалось совестно перед детьми. Что они подумаю! о нем? Ну, жена посердится, наговорит кислых бабьих слов, а затем примирится на какой-нибудь шляпке. А вот дети... гм... да... Вообще скверно. В голове Авдея Семеныча еще бродили пары облепихи, и он не мог признать себя виновным по существу дела. Да, он был прав, но только высказать все это следовало другими словами и совсем уж при другой обстановке.

Освежившись сельтерской водой, Авдей Семеныч завалился спать.

— Спи, пьяненький петербургский чиновник, — думал он вслух. — Ты осмелился в соб-

ственном доме, кажется, единственный раз сказать правду...

Проснулся Авдей Семеныч на другой день рано, потребовал себе чаю в кабинет, оделся и вышел из дому раньше обыкновенного на целых два часа. Чтобы убить время, он долго гулял по набережной Фонтанки, выходил на Неву и вполне освежился. Все вчерашнее ему показалось каким-то сном. Неужели это был он, Авдей Семеныч, всегда скромный, вежливый, тихо и покорно тащивший тяжелое семейное ярмо?

— Да, случай, — бормотал он, покачивая головой.

Он боялся даже думать о том, как он вернется со службы домой и как покажет глаза жене и детям. Да, положение было ужасное... Он был счастлив, что может идти в свой департамент и с головой зарыться в бесконечную работу до пяти часов вечера. А там будь что будет... Подходя к месту своего служения, Авдей Семеныч припомнил, что вчера обещал Окатову приехать на вокзал проводить его. Этого еще не доставало... Как он встретится с другом детства и что будет говорить с

ним?

— А это все он виноват, неистовый сибиряк! — решил наконец Авдей Семеныч, оправдываясь перед самим собой. — Конечно, он... Все он! Если бы не он, ничего бы и не было. Одним словом, не поеду его провожать...

Но Окатов предупредил последнюю мысль и сам явился в департамент, чтобы пригласить друга детства пообедать где-нибудь с глазу на глаз. Авдей Семеныч испугался, когда курьер подал ему карточку Окатова.

— Они там-с, ждут вас в приемной, ваше превосходительство, — докладывал курьер, почтительно вытянувшись.

Его превосходительство смущенно жевал губами и медлил.

— Гм... да... — бормотал он, потирая лоб рукой. — Да... Так скажи этому господину, что меня нет... то есть, что я был на службе, а потом уехал... Нет, постой!.. Ты скажешь... скажешь... Одним словом, скажи, что меня нет!..

— Слушаю-с, ваше превосходительство!

Примечания

Впервые опубликовано в газете «Сибирская жизнь», 1902, No№ 68 и 71 от 24 и 29 марта. Включено автором в состав «Сибирских рассказов» в 1905 году. Печатается по тексту: «Сибирские рассказы», т. II, М., 1905.

[^^^]